

А. К. Егоров
**ПОЛЬСКИЙ «ИМПЕРАТОР» БЕЛОПОЛЬСКИЙ:
СВИРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ЛОЦМАНЫ ПРОТИВ МЕДИЦИНЫ
В ХОЛЕРНОМ 1831 г.***

doi: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-143-150

УДК 94(470.22)“1831“

ББК 63.3(2Рос.Кар)52

В статье рассматривается инцидент с врачом Белопольским, который был задержан крестьянами в Олонецкой губернии холерным летом 1831 г. Об этом происшествии первоначально стало известно из воспоминаний чиновника Соколова, опубликованных еще в XIX в. Согласно этим воспоминаниям, крестьяне считали Белопольского польским императором, злоумышляющим против них, и задумали расправиться с ним, но врача спас местный исправник. Однако происшествие с Белопольским можно более подробно реконструировать на основе следственного дела, сохранившегося в архиве. Согласно материалам следствия, Белопольский действительно был задержан крестьянами по подозрению в злом умысле. Однако в остальном версия следствия расходится с рассказом Соколова. Белопольский подозревался крестьянами в том, что по дороге к ним он отравил воду в реке Свири. Участники беспорядков пытались найти яд в вещах Белопольского. Лидерами волнения были крестьяне-лоцманы, занимавшиеся проводкой судов по Свири. Властям удалось успокоить крестьян, и врач избежал серьезных для себя последствий. Случай с Белопольским был частью холерной паники, охватившей европейскую часть России летом 1831 г., когда население подозревало окружающих, особенно приезжих, в том, что они под предлогом болезни холеры отравляют народ. Реконструкция эпизода с Белопольским на основе архивных документов показала серьезные расхождения с версией Соколова, которая значительно преувеличила опасность для врача со стороны крестьян.

Ключевые слова: *эпидемия, холера, медицина, слухи, отравление, паника, насилие, холерные волнения*

Холерным летом 1831 г. в одном из селений Олонецкой губернии произошел опасный инцидент. Крестьяне остановили на улице врача Белопольского, который был командирован к ним для оказания помощи больным холерой. На вопрос, кто он такой, Белопольский, желая озадачить крестьян своим «громким званием», ответил им, что он оператор Белопольский.¹

Однако незнакомое слово «оператор» и фамилия врача оказали на крестьян неожиданное воздействие. Крестьяне закричали: «А, так ты польский император? Эге, ребята! Вот какой зверь попался нам! Это не простой какой-нибудь полячишка-бродяга, а, видишь, вздумал уж приехать в Россию и губить людей сам их нехристь-император! Нечего на него смотреть, давайте веревку! Повесить его проклятого!» Крестьяне захотели повесить Белопольского на воротах при въезде в селение, уже накинули врачу на шею веревку, но вовремя подоспевший исправник спас Белопольского.²

Эта история известна из воспоминаний чиновника Соколова, жившего в городе Демьянске Новгородской губернии и ставшего очевидцем холерного бунта военных поселян.³ Вместе с рассказом об этих жестоких событиях он пересказал и историю с Белопольским, известную ему, вероятно, из его личного рассказа,⁴ поскольку Белопольский, по воспоминаниям Соколова, был

¹ Рассказ чиновника в городе Демьянске Соколова // Бунт военных поселян в 1831 году: рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870. С. 189, 190.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 170-190. О бунте военных поселян см.: Евстафьев П. П. Бунт военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934.

⁴ Рассказ чиновника в городе Демьянске Соколова. С. 189.

Егоров Александр Константинович — к.и.н., доцент, Петрозаводский государственный университет, н.с., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)
E-mail: akegorov@yandex.ru

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН

прислан из Олонецкой губернии в Новгородскую и занял там должность оператора губернской врачебной управы.

Однако о происшествии с Белопольским можно узнать и из официальных судебных источников, дающих более полную и заметно отличающуюся версию этих событий. В данной статье эта версия подробно рассмотрена с включением ее в общий контекст холерных волнений лета 1831 г. в России. Это дает редкую возможность подробно реконструировать один конкретный эпизод холерных волнений в России. Также можно увидеть сходства и различия между двумя версиями происшествия.

Кроме того, изучение случая с Белопольским позволяет лучше понять механизм появления и распространения слухов⁵ в крестьянских сообществах, а также описать практики противостояния этих сообществ медицине и властям, противоэпидемические мероприятия которых на протяжении всего «холерного» XIX в. воспринимались народом как угроза его существованию.⁶

Рано утром 13 июля оператор Олонецкой врачебной управы Белопольский прибыл в деревню Скуратово Важинской волости Олонецкого уезда.⁷ Из Скуратова Белопольский должен был отплыть на лодке по реке Свири в деревню Усланку⁸ для освидетельствования двух больных крестьян из Архангельской губернии, находившихся в обсервационном доме, и оказания им помощи. Также в Скуратове в этот момент находился дворянский заседатель земского суда Борисов, приехавший туда ранее «по делам службы». Белопольский пригласил его поехать с ним в Усланку. Было сделано распоряжение о приготовлении лодки и гребцов.⁹

Однако в это же время на берегу «по неизвестной причине собралось немало количество мужиков», жителей Олонецкого уезда из разных селений, которые, подойдя к квартире, занимаемой Борисовым, закричали, что «надо лекаря осмотреть, нет ли принес чего». Собравшиеся были в нетрезвом виде.¹⁰

Борисов вышел к собравшимся из своей квартиры на крыльцо и стал уговаривать их успокоиться; в ответ ему повторили те же слова про необходимость осмотра Белопольского и с криком «настоятельно» требовали выдать им оператора и находившиеся при нем лекарства. Тогда Борисов вызвал на помощь из расположенной на другом берегу Свири деревни Лаптевщины попечителя по борьбе с холерой коллежского советника Петра Гакуцкого. Вместе им с большим трудом удалось успокоить народ, «дабы они не делали угроз и не покушались, а оставили предприятие свое и возвратились по домам». Гакуцкий вернулся в Лаптевщину, а Белопольский и Борисов стали готовиться к отплытию в Усланку.¹¹

Во время этих приготовлений к оператору подошла Марфа Яковлева, жена смотрителя Важинской дистанции судоходства реки Свири Баженова, и «убедительно» просила его выдать ей мятные капли. Белопольский в присутствии других находившихся там людей выполнил просьбу Яковлевой, и она уехала домой на другой берег Свири.¹²

Когда после полудня Белопольский вместе с Борисовым, волостным писарем Крысановым и волостным головой Артемием Шихиным пришли на берег и отчалили на двух лодках до Усланки, то из Лаптевщины показались плывшие на лодках лоцманы Важинской пристани и крестьяне «в немалом количестве», которые закричали, чтобы врач и его сопровождающие никуда не отправлялись.¹³

Чиновники, «избегая несчастного случая» на воде, были вынуждены вернуться. Несколько крестьян направились к лодке, где находились Белопопольский и Борисов, и вытащили ее вместе

⁵ Обзор историографии слухов см.: Гайлит О. А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 45–52; Coast D., Fox J. Rumour and Politics // History Compass. 2015. Vol. 13, iss. 5. P. 222–234.

⁶ О холерных волнениях в России и мире в XIX в. см.: Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев Е. В. Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов, 2009; McGrew R. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison, 1965. P. 69–72, 106–123; Cohn S. Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDs. New York, 2018. P. 163–251.

⁷ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 3об. В расположенном на правом берегу реки Свири Скуратове, в доме крестьянской «женки» Матрены Артамоновой располагалось Важинское волостное правление (Там же. Л. 3об., 13).

⁸ Усланка находится также на правом берегу ниже по течению Свири.

⁹ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 3–3об., 6об.

¹⁰ Там же. Л. 3об., 13об., 35об.

¹¹ Там же. Л. 3об.–4, 14, 31об., 35–35об.

¹² Там же. Л. 4–4об. Квартира Баженова находилась на левом берегу Свири, в Лаптевщине, где располагалась и Важинская пристань. Левый берег Свири относился не к Олонецкому уезду, а к Лодейнопольскому.

¹³ Там же. Л. 4об., 14, 32.

с находившимися на ней людьми на берег, требуя выдать из нее Белопольского. На берегу врача и должностных лиц обступила «азартным образом» большая группа агрессивно настроенных людей. Она состояла как из приплывших из Лаптевщины, так и из вышеупомянутых местных жителей, пререкавшихся с Борисовым еще до попытки отплытия в Усланку. Как и во время инцидента у квартиры Борисова, собравшиеся были «в нетрезвом виде».¹⁴

В толпе «единодушно» кричали, что оператор «при проезде рекою Свирию на судне выше Важин¹⁵ на плёсе лил какой-то яд в воду несколько бутылок, и будто бы от того заболело у них на их стороне (левый берег Свири. — А. Е.) три человека, и невзирая ни на увещевания, ни на уверения никакие о том операторе, окружив их на берегу весьма в большом количестве, а совокупно с ними и отставной солдат Иван Миронов, неотступно требовали с произношением ругательных слов, азартным образом, показать всё имеющееся у лекаря, и не признавая его за оператора, требовали паспорта». Также крестьяне кричали, что «им лекаря не надобно, а карантинны все сняты». Толпа потребовала показать к осмотру все принадлежавшие Белопольскому вещи и лекарства, включая личные вещи в чемодане, с намерением даже закопать найденное в землю.¹⁶

Борисов сказал собравшимся крестьянам о Белопольском, что «тот лекарь известный человек» и что «оной г. оператор приехал к нему для больных в Усланке из Остречин,¹⁷ присланный туда из Петрозаводска от г. гражданского губернатора». Белопольский и Борисов показывали крестьянам свои бумаги, «уверяя о себе».¹⁸

Требования крестьян в конечном итоге были выполнены. Белопольский открыл чемодан и стал вынимать оттуда его содержимое, демонстрируя его окружившей его толпе крестьян.¹⁹ Однако крестьяне все равно остались недовольны. Они потребовали от Белопольского выпить из найденных при нем бутылок (очевидно, с медикаментами. — А. Е.). Белопольский был вынужден пить уксус из одной из бутылок.²⁰ Заседатель Борисов и писарь Крысанов тоже «пробовали» из этой бутылки и сказали, что это уксус.²¹ Но даже эта мера не успокоила народ. Один из крестьян, Прохор Григорьев, «взяв оную бутылку из земли, уксус из оной начал лить в воду, но заседатель оную от него отобрал».²²

После этого другой крестьянин, приплывший из Лаптевщины вместе с лоцманами житель деревни Мигуновской²³ Петр Таранкин, «замеченный несколько в нетрезвом виде», вместе с другими мужиками закричал, что «все те лекарства и бутылки надобно закопать в землю, а лекаря не отпускать никуда, а убить или утопить». В это же время мимо по реке проплывала сойма; находившиеся на ней крестьяне Захар Рыбин и Петр Кукшегоров также закричали о том, чтобы собравшиеся не отпускали врача. Заседатель в ответ уговаривал крестьян, чтобы они ничего не ломали.²⁴

После трех часов пререканий с толпой на берегу Борисов был вынужден опечатать ящик с лекарствами и одежду оператора и потребовал, чтобы крестьяне приложили и свою печать, но крестьяне кричали, «чтоб отдал [ящик] им в свои руки, а сам отошел прочь». После этого Борисов доставил ящик в волостное правление. Но и там пререкания продолжились. Возбужденные люди ломались в правление, требовали выдать им лекарства.²⁵

Некоторые крестьяне пытались прорваться в здание правления к Белопольскому и требовали у Борисова выдать им оператора. Но заседатель, удерживая Белопольского в комнате, не выдавал его крестьянам. Стоя в дверях, он уверял крестьян, что Белопольский «человек известный и не сомнительный», но крестьяне отвечали, что они ничему не верят.²⁶

¹⁴ Там же.

¹⁵ Важины расположены на правом берегу Свири недалеко от Скуратова и Лаптевщины.

¹⁶ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4об., 5а, 32–32об.

¹⁷ Остречины располагались на Свири выше по течению.

¹⁸ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4об., 37.

¹⁹ Некоторые из обвиняемых крестьян, отрицая факт своего участия в беспорядках, в своих показаниях упоминали этот эпизод: они якобы видели окруженного народом дворянского заседателя Борисова и неизвестного человека, который доставал из чемодана банки (Там же. Л. 10–10об.).

²⁰ Там же. Л. 32об., 5а.

²¹ Там же. Л. 4об. А обвиняемый отставной матрос Иван Миронов показывал на допросе, что Борисов из числа осматриваемых лекарств «показал ему ромашку [и] спросил, знает ли он, какая оная трава, на что он отвечал ему, что [эта трава] называется ромашкой <...>» (Там же. Л. 8–8об.).

²² Там же. Л. 5а, 32об.

²³ Мигуновская — деревня на правом берегу Свири, входила в состав Важин.

²⁴ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 5а–5аоб., 32об.–33об.

²⁵ Там же. Л. 5а–5аоб., 33.

²⁶ Там же. Л. 15об., 35об., 38.

Согласно материалам следствия, крестьяне, «несмотря на то, что от сего [проникновения в волостное правление] удерживал их на крыльце голова Шихин, запертые с нутра заложкою в сенях двери выломав, вошли потом к дверям волостного правления, где были заседатель и оператор, требовали и здесь еще тоже неотступно выдачи им лекарств, усиливаясь при том... взойти в покой волостного правления..., но заседателем не были впущены, но и притом особенно крестьянин Волков был ворвавшись даже и в покой, с намерением вытащить в сени оператора, но в то же время был заседателем возвращен в сени, а равно ему так же и Захар Рыбин, в особенности пытался неоднократно взойти туда же, но не был допущен заседателем; при чем хотя в сенях, где были они собравшись, голова Шихин, и выборный, прибывший в то время в селение, хозяйка дома Матрена Артамонова удерживала оных людей, но они их не слушая ругали, и таскали в сенях, и в другой избе, не допуская к защите никого».²⁷

Там же в правлении была заявлена и другая, помимо отравления, причина, по которой следовало задержать врача: вышеупомянутый крестьянин Таранкин, показывая на Белопольского, кричал, что «они на государя руки поднимали, их выпустить не надобно, а лекарства все закопать в землю».²⁸

Заседатель Борисов повторно позвал на помощь попечителя Гакуцкого, а также обратился к смотрителю Важинской дистанции судоходства реки Свири Баженову, вероятно для того, чтобы он успокоил относившихся к его ведомству лоцманов. Баженов отказался приехать, сославшись на то, что он был занят отправлением почты и организацией проезда товаров для императорского двора. Гакуцкий же вновь откликнулся на призыв; приехав в волостное правление, он «начал их [крестьян] уговаривать и высылать всех их прочь, тогда только пошли прочь на улицу».²⁹ Беспорядки были наконец прекращены.

Ситуация с Белопольским не была уникальной для того холерного лета. Она произошла в условиях сочетания общероссийского контекста и местных обстоятельств. В России тогда установилась настоящая «холерная паника», во время которой население полагало, что злоумышленники под предлогом холеры отравляют людей.³⁰ Соответственно, жители стали ловить подозреваемых в этих отравлениях, обыскивать их в поисках яда и даже избивать. Под подозрением оказывались и врачи, которых еще до начала паники подозревали в том, что они морят в больницах своих пациентов.³¹ Незадолго до эпизода с Белопольским, в соседнем с Олонецким Лодейнопольском уезде, крестьяне привязали лекаря Чернявского к столбу, также подозревая его в отравлениях.³²

Подозрения крестьян были вызваны слухами об отравлении, которые распространялись рабочими людьми, вышедшими из Петербурга сразу после знаменитых холерных беспорядков в столице.³³ Более того, эпизод с Белопольским был лишь одним звеном в цепи беспорядков, которые начались еще 26 июня в нижнем течении реки Волхов и затем постепенно смещались на восток, дойдя в начале июля до пределов Олонецкой губернии.³⁴

Возникновению беспорядков способствовало и скопление людей в волости в этот день. Из показаний подозреваемых крестьян на следствии понятно, что по крайней мере часть крестьян оказалась вовлечена в эпизод с Белопольским по той причине, что они возвращались через Скуратово с проводки судов по реке Свири, видели стоявший у волостного правления народ и подходили ближе, чтобы узнать, в чем дело.³⁵ Конечно, эти показания давались подозреваемыми, которые просто пытались таким образом отвести от себя обвинения; однако можно предположить, что доля истины в их показаниях все-таки была.

Любопытствующие придавали волнению больший количественный масштаб с точки зрения внешнего наблюдателя. Возник интересный эффект: каждый из стоящих в толпе был одновре-

²⁷ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 5б, 33об.-34.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 5боб., 12об., 13об., 34об.

³⁰ McGrew R. Op. cit. P. 106, 107.

³¹ Первые случаи выступлений против врачей и антихолерных мероприятий имели место уже осенью 1830 г. См. об этом подробнее: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 170. Д. 210. Л. 1об.-2, 10-10об.; Д. 225. Л. 1-1об., 7, 8об., Д. 230. Л. 2об.-3; Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев Е. В. Указ. соч. С. 143, 144, 149-156, 156-210.

³² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3.

³³ См. об этом: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15, 17; Каратыгин П. Холерный год. 1830-1831. СПб., 1887. С. 72.

³⁴ Граф Аракчеев и военные поселения. 1809-1831. СПб., 1871. С. 51-84; РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 9; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 122.

³⁵ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 8-8об., 10-10об. Показания крестьян Ивана Миронова, Захара Рыбина и Филиппа Волкова.

менно и участником беспорядков — с точки зрения стоящих рядом любопытствующих, и простым наблюдателем — со своей собственной точки зрения, считая, в свою очередь, окружающих людей участниками беспорядков.

Против Белопольского выступила не одна конкретная деревня, а группа лоцманов крестьянского происхождения из расположенных рядом разных селений двух уездов, объединенных одним видом деятельности, связанным с обеспечением судоходства через опасные пороги на реке Свири. Можно предположить, что многие из этих людей не оставались подолгу на одном месте, постоянно находясь в движении вдоль водных путей. Об этом свидетельствует тот интересный факт, что из пяти главных виновников беспорядков четверо даже не были учтены последней ревизией.³⁶

В этом сообществе была своя сеть передачи информации по водным путям сообщения, посредством которой новость о прибытии подозрительного человека быстро обошла соседние селения. Без реки Свири как основного средства коммуникации эти беспорядки не могли бы возникнуть, поскольку Белопольский не «вылил бы яд» в воду, народ не узнал бы об этом и не смог бы быстро собраться у волостного правления.

Особое подозрение крестьян вызывал находящийся при Белопольском ящик с лекарствами, которые хранились в бутылках. И такое подозрение также было общим местом холерных волнений в России в то время: бутылки вызывали у населения страх и ярость одновременно, которые даже превосходили недоверие к докторам, как будто врачи были просто приставлены к главному источнику опасности — бутылочкам и емкостям с подозрительными жидкостями и порошками, которые участники холерных беспорядков искали в первую очередь.³⁷ Соответственно, главной задачей крестьян было нейтрализовать яд и емкости, в которых он находился. И даже спустя много лет этот страх перед бутылочками сохранился и отразился в быличке, согласно которой в холерный год мужик убил старуху-«холеру», тело которой было начинено пузырьками с ядом, который она пускала в деревенские колодцы.³⁸

Также вполне характерными для того времени являются и требования крестьян к подозреваемым в отравлении, чтобы они выпили содержимое бутылки. В соседней с Олонецкой Архангельской губернии крестьяне нашли у чиновников бутылку с хлориновой известью и потребовали от них пить из нее.³⁹ А во время холерного бунта в военных поселениях подозреваемые в отравлении вынуждены были пить даже тушь для чертежей.⁴⁰

Свою роль в эскалации беспорядков мог сыграть и упомянутый выше эпизод с женой смотрителя Баженова Яковлевой. Дав ей капли при скоплении людей, Белопольский допустил ошибку, которая могла привести к серьезным для него последствиям. В условиях, когда население подозревало Белопольского в отравлении людей под видом лечения, передача капель посторонним не могла не укрепить эти подозрения. Передача капель была остенсивным действием,⁴¹ которое в глазах населения подтверждало факт отравления. Есть большая вероятность, что слух о том, что Белопольский лил яд с корабля на плесе в Свирь, также возник после каких-либо неаккуратных манипуляций Белопольского с лекарствами, увиденных очевидцами и рассказанных ими как меморат⁴² своим собеседникам.

Слова крестьянина Таранкина о том, что «они на государя руку подняли», также не являются случайными. Тем холерным летом действительно ходили слухи о том, что на царя в столице было совершено покушение; они были зарегистрированы в Петербурге, Новгородской губернии и на Верхней Волге,⁴³ но дошли и до Свири, вероятно, через рабочих, возвращавшихся из столицы.

³⁶ Там же. Л. 16об., 42об.–43. Имеется в виду ревизия 1815 г.

³⁷ Во время холерных волнений в военных поселениях участники беспорядков искали яд в домах офицеров, чиновников и врачей. См. об этом подробнее: Евстафьев П. П. Указ. соч.; Слезкинский А. Бунт военных поселенцев в холеру 1831 г. Новгород, 1894.

³⁸ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 20, 21.

³⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 382. Л. 81об.

⁴⁰ Воспоминания М. Ф. Бороздина // Граф Аракчеев... С. 14.

⁴¹ Остенсивное действие — это действие, воплощающее в реальной жизни сюжет легенды или слуха. Degh L., Vazsonyi A. Does the Word "Dog" Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling // Journal of Folklore Research. 1983. Vol. 20, № 1. P. 20; Архипова А. (признана в РФ иностранным агентом), Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М., 2020. С. 57–59.

⁴² Меморат — разновидность легенды, при которой рассказчик передает известный сюжет как часть своего личного опыта (в противоположность фабулату, при котором рассказ ведется от третьего лица). Мемораты играют большую роль в поддержании жизнеспособности слухов и легенд.

⁴³ Пупарев А. Г. Холерный месяц в С.-Петербурге // Русская старина. 1885. Т. 47. Июль. С. 83, 84; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15., Д. 555. Л. 4.

В целом можно полагать, что для Белопопольского все закончилось достаточно благополучно. Он добрался до Олонца, возвращаясь в губернский центр Петрозаводск, и просил власти снабдить его подорожной и забрать у крестьян принадлежавшие ему лекарства, потому что сразу их ему не вернули.⁴⁴

Что касается пациентов, к которым он ехал в Усланку, крестьян Холмогорского уезда Архангельской губернии Григория Дмитриева и Варфоломея Семёнова, то, к счастью для них, они болели не холерой, а «гистерической горячкой», вызванной простудой, и быстро выздоровели.⁴⁵

Участники беспорядков предстали перед судом, но не признали себя виновными в нападении на Белопопольского и Борисова, утверждая, что пришли к волостному правлению и на берег потому, что увидели там собравшийся народ.⁴⁶ Главные виновники беспорядков, крестьяне Важинской волости Иван Григорьев, Иван Королев, Иван Колесов, Матвей Кукшегоров и Петр Таранкин первоначально были приговорены Олонецким уездным судом к наказанию «при селении плетьюми».⁴⁷ Прочие участники беспорядков, крестьяне Олонецкого и Лодейнопольского уездов, первоначально были приговорены к наказанию «в страх и пример прочим выдержанием каждого по месяцу на хлебе и воде в градской тюрьме».⁴⁸

Олонецкая палата уголовного суда после обривизования дела смягчила приговор, поскольку выявила нарушение процедуры дознания, а также приняв во внимание то обстоятельство, что никто из «посторонних» свидетелей не сообщил о действиях обвиняемых, которые бы угрожали жизни Белопопольского. Проводившим дознание уездному стряпчему Богданову и сельскому заседателю Басункову был сделан выговор.⁴⁹

Главные виновники были приговорены к наказанию в виде месяца заключения в городской тюрьме на хлебе и воде с последующим освобождением.⁵⁰ Остальным участникам беспорядков было необходимо, «призвав их в волостное правление при общем мирском собрании, прочесть им воинские 34, 133, 135 и 137 артикулы,⁵¹ и внушить силу их и оказываемое им прощение, с обязательством подписками на будущее время покорствоваться безропотно и быть в совершенном послушании к начальству. В противном случае, подвергнуты будут строгому и примерному взысканию».⁵²

Так был ли «польский император»? С одной стороны, слова про «польского императора» действительно могли прозвучать со стороны крестьян, но не были зафиксированы следствием. Крестьяне, носители устной культуры, просто по-своему истолковали услышанное ими словосочетание «оператор Белопопольский», на слух действительно созвучное с «императором польским».

С другой стороны, Белопопольский и/или его собеседники могли придумать эту историю, чтобы придать происшествию больше драматизма и релевантности по отношению к холерным волнениям того времени. Ведь известно, что летом 1831 г. одними из главных виновников отравления людей считались в народной среде именно поляки.

Также тема польского «императора» могла появиться в связи с цесаревичем Константином Павловичем, ведь в каком-то смысле он и был польским правителем — «императором» — и на время попал в центр общественного внимания из-за своей загадочной смерти, которая породила различные слухи летом 1831 г.⁵³

Действительно ли Белопопольского хотели повесить? История холерных волнений 1831 г. показывает, что, несмотря на кажущуюся серьезность этих событий, факты убийства врачей были единичными. Так, во время известных беспорядков в Петербурге была достоверно подтверждена гибель только одного врача, Земана, заведовавшего холерной больницей в доме Таирова на Сенной площади.⁵⁴

⁴⁴ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 60б.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 35, 38об.

⁴⁷ Там же. Л. 24об., 40–40об.

⁴⁸ Там же. Л. 25, 40об.

⁴⁹ Там же. Л. 38об.–39, 41об., 43.

⁵⁰ Там же. Л. 42.

⁵¹ Имеется в виду «Артикул воинский» Петра I. См.: Артикул воинский с кратким толкованием // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). 1830. Т. 5. С. 318–382. Артикул 34 посвящен наказанию за неповиновение властям (Там же. С. 329, 330), артикул 133 запрещал коллективные челобитные (Там же. С. 359), артикул 135 запрещал подстрекательство к бунту (Там же. С. 359), артикул 137 устанавливал наказание за «бунт, возмущение и упрямство» (Там же. С. 360).

⁵² НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 42об.

⁵³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 319. Л. 9–12; Д. 359. Л. 15; Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 248, 249, 255.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 727. Л. 2–2об.

Врачей могли задержать и избить, но дальше в своем насилии по отношению к медицинскому персоналу участники холерных беспорядков не шли. Кроме того, крестьяне, даже угрожая убийством подозреваемым в отравлении людям, предлагали другие варианты расправы, в основном утопление. В источниках того времени нет упоминаний повешения как способа расправы с отравителем.

Следует отметить, что упомянутый в рассказе Соколова исправник (его фамилия была Малевинский), скорее всего, не был активным действующим лицом событий 13 июля. Олонецкий губернатор А. И. Яковлев «усомнился в том, что исправник выполнял свои обязанности и принимал меры к усмирению крестьян», и вменил в вину исправнику то, что он даже не сделал крестьянам «внушения об обязанности их, и что они не должны принимать ложных слухов». По этой причине губернатор предписал «объявить ему [Малевинскому], чтобы он доставил» к нему «в самоскорейшем времени противу сего объяснение».⁵⁵

История Белопольского, реконструированная на основе материалов суда, значительно отличается от рассказа чиновника Соколова. История холерных волнений в России летом 1831 г. показывает, что официальная версия ближе к реальности, а рассказ Соколова слишком приукрасил это происшествие, представив его в гораздо более опасном для оператора виде.

Можно сделать вывод, что описанные события на Свири соответствовали общему историческому контексту, отразив основные черты холерных волнений того времени: слухи об отравлениях, враждебность к представителям власти и врачам, попытки нейтрализовать предполагаемую опасность путем задержания и нейтрализации мнимых отравителей. При этом случай с Белопольским выявил ключевую роль локального речного сообщества лоцманов Присвирия как в передаче слухов, так и в организации противостояния представителям медицинской власти.

Alexander K. Egorov

Candidate of Historical Sciences, Petrozavodsk State University; Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the RAS (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: akegorov@yandex.ru

POLISH "EMPEROR" BELOPOLSKY: SVIR PEASANT SHIP PILOTS VERSUS MEDICINE DURING THE 1831 CHOLERA EPIDEMIC

The paper examines the incident with Doctor Belopolsky, who was detained by peasants in Olonets Governorate during the cholera outbreak in the summer of 1831. It first entered public knowledge through the memoir of a government official by the name of Sokolov, published back in the 19th century. The memoir states that the peasants mistook Belopolsky for the "Polish Emperor", believing that he was plotting against them. They intended to put him to death, but the doctor was rescued by the local *ispravnik*. However, this incident can be reconstructed in more detail on the basis of the investigation case file, which has been preserved in the archives. According to the case file, Belopolsky was indeed detained by peasants on suspicion of malicious intent. However, in other respects, the investigators' version diverges from Sokolov's story. The peasants suspected that, en route to their community, Belopolsky had poisoned the water in the Svir River. The mob attempted to find poison among Belopolsky's belongings. The main instigators were peasants in charge of piloting ships along the Svir. The authorities managed to calm the peasants, and the doctor avoided any serious consequences. The Belopolsky incident was part of the cholera panic that gripped the European part of Russia in the summer of 1831, when members of the public accused one another, particularly strangers passing through their communities, of spreading poison under the guise of cholera. The archive-based reconstruction of what happened to Belopolsky shows serious discrepancies with Sokolov's version, which significantly exaggerated the danger posed to the doctor by the peasants.

Keywords: *epidemic, cholera, medicine, rumour, poisoning, panic, violence, cholera riots*

⁵⁵ НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 6.

REFERENCES

- Arhipova A.,* Kirziuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. (in Russ.).
- Coast D., Fox J. Rumour and Politics. *History Compass*, 2015, vol. 13, iss. 5, pp. 222–234. DOI: 10.1111/hic3.12234 (in English).
- Cohn S. *Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS*. New York: Oxford University Press, 2018. (in English).
- Degh L., Vazsonyi A. Does the Word “Dog” Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling. *Journal of Folklore Research*, 1983, vol. 20, no. 1, pp. 5–34. (in English).
- Gailit O. A. [Research Opportunities of Rumors and Problems of Their Study in the Works of Modern Historians]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki”* [Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”], 2018, no. 4 (20), pp. 45–52. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.45-52 (in Russ.).
- Kanishchev V. V., Meshcheriakov Yu. V., Iakovlev E. V. *Tambovskiy bunt 1830 g. v kontekste kholernykh krizisov v Rossii XIX veka* [Tambov Revolt 1830 in the Light of Choleric Crises in Russia of 19th Century]. Tambov: TGU Publ., 2009. (in Russ.).
- McGrew R. *Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press, 1965. (in English).
- Для цитирования:* Егоров А. К. Польский «император» Белопольский: свирские крестьяне-лоцманы против медицины в холерном 1831 г. // Уральский исторический вестник. 2026. № 1 (90). С. 143–150. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-143-150.
- For citation:* Egorov A. K. Polish “Emperor” Belopolsky: Svir Peasant Ship Pilots versus Medicine during the 1831 Cholera Epidemic // Ural Historical Journal, 2026, no. 1 (90), pp. 143–150. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-143-150.

---

* Архипова А. признана в РФ иностранным агентом.